

ГЛАВНАЯ тема настоящего номера журнала — «Политическое в русском православии». Первое — ключевое — слово требует некоторых предварительных разъяснений. Во-первых, представленные в тематической части материалы не ограничиваются, скажем, политическим богословием, но касаются разных пограничных областей, где религиозное пересекается с политическим в широком смысле. Соответственно, во-вторых, само политическое здесь понимается многомерно, а не в каком-то одном, четко определенном и хорошо разработанном, смысле (единого понимания «политического» нет ни в светской науке, ни в православном богословии и шире — в религиозном сознании). И наконец, сама тема политического измерения русского православия (в историческом и современном ракурсах) пока не исследована комплексно и, так сказать, синтетически. Поэтому подборка текстов, предлагаемая в тематическом разделе настоящего выпуска нашего журнала, является не столько итогом уже проделанной, совокупной научной работы, позволяющей систематически раскрыть главную тему, сколько демонстрацией отдельных авторских подходов к разным ее аспектам.

В то же время это «собрание пестрых глав» указывает на некоторые болевые точки, связанные как с историческим наследием, так и с актуальными дискуссиями. И здесь следует подчеркнуть, что в данном случае мы сталкиваемся с общей проблемой соотношения традиции и современности в религиозном сознании, которая лишь особым образом преломляется в разговоре о политическом измерении русского православия.

Открывающая главную тему статья Елены Намли «Православное богословие и искушение властью» посвящена современности, и в ней особое внимание уделено официальной социальной доктрине Русской православной церкви, которая нашла свое выражение в соборно принятом документе 2000 года. При этом автор помещает свой анализ в более широкое пространство христианской социальной этики и, соответственно, легитимной политической деятельности церкви, выходя за пределы официального церков-

ного дискурса и привлекая идеи русских религиозных мыслителей, а также инославных теологов и философов.

Затем Константин Костюк обращает наше внимание на историческое наследие. В статье «Формирование и эволюция „богословия власти“ в Московском государстве в XIV–XVI вв.» он описывает, если можно так выразиться, «золотой век» русского политического богословия, то есть то богословие, которое до сего дня оказывает свое влияние на актуальный православный политический дискурс. Иначе говоря, это не случайная «историческая глава», о чем свидетельствует другой текст «главной темы» — статья Михаила Сулова «Генеалогия монархической идеи в постсоветских политических дискурсах Русской православной церкви». РПЦ рассматривается автором не как официальная структура, а как сложное религиозное образование, от лица которого выступают разные «спикеры», не только современные, но и продолжающие говорить в старых и ныне актуализированных текстах, и православное понимание «власти» специфицируется через обсуждение определенной формы правления.

Вполне логичным является появление в нашей тематической подборке двух текстов иностранных («западных») авторов, которые фокусируют свое внимание на теме прав человека. Эта тема, несомненно, является «политической», поскольку в известном смысле определяет современный политический дискурс. В то же время именно Русская православная церковь (как религиозная организация) стимулировала обсуждение темы прав человека с религиозной (православной) точки зрения, приняв и обнародовав не только «Основы социальной концепции» (2000), но и особый документ «Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008), который вызвал полемику не только в российском обществе, но и в западных инославных церквях (со стороны протестантов и католиков).

Кристина Штекль в статье «Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека»¹ прослеживает эволюцию официальной церковной позиции, начиная с первых публичных высказываний митрополита Никодима (1963) и профессора Московской духовной академии А. И. Осипова (1984) и вплоть до вышеупомянутого документа 2008 года. Вывод, который делает автор, состоит в том, что если в советское время РПЦ не при-

1. Более подробно см. в книге: Stoeckl, K. (2014) *The Russian Orthodox Church and Human Rights*. London, New York: Routledge.

нимала современную концепцию прав человека (одновременно по политическим и внутрицерковным причинам), то в постсоветскую эпоху ее отношение стало постепенно меняться в сторону *критического принятия* этой концепции с позиций консерватизма, в полемике с либерализмом и индивидуализмом международной системы прав человека.

Здесь возникает серьезный вопрос: что стоит за этим «консерватизмом»? Или иначе: каковы те *теологические* основания, которые определяют невозможность однозначного принятия *светской* концепции прав человека как одного из главных политических инструментов современности?

Поискам ответов на эти вопросы посвящена пространная статья Альфонса Брюнинга «Разные люди – разные права? О понятии „достоинства человека“ с точки зрения Запада и восточных христианских церквей». Предложенный автором анализ показывает, что понятие «достоинства человека» поныне остается дискуссионным как в философии, так и в богословии, причем разделительные линии проходят не между «Западом» и «Востоком», а скорее между «светским» и «религиозным». Освещая «сомнения и споры о достоинстве человека на „Западе“», а также углубляясь в специфику восточноправославного богословия (с его темами теозиса/обожения и соборности), автор склоняется к мысли, что, так сказать, теология прав человека, опирающаяся на понятие «достоинства», еще требует своего развития и что «позиция русского православия, сформулированная в „Основах учения...“ 2008 года и основанная на понятии теозиса, безусловно, способна обогатить нынешнее понимание концепции прав человека».

Таким образом, К. Штекль и А. Брюнинг далеки от того, чтобы подвести итоги и «закрыть» тему отношения РПЦ к светской концепции прав человека; напротив, они указывают на перспективы дальнейшей дискуссии и трансформации позиций ее участников.

Совсем в ином ключе выступает в рамках главной темы Алексей Зыгмонт в статье «Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период». Здесь предпринимается попытка «прояснить сущность связанных с насилием феноменов, исходя из логики *homo religiosus*, то есть с позиций субъекта, а не объекта насилия». Используя понятия структурного, актуального и символического насилия (а также эсхатологический образ «космического завоевания» и понятие «жертвенного кризиса прихрамовой среды»), автор анализирует события

и дискурсы, представленные на российской православной сцене. При этом привлекается обширный круг источников: официальные церковные документы, проповеди и интервью, новостные сообщения, блоги и форумы. Иначе говоря, РПЦ в данном случае — это не только и не столько официальная религиозная структура, сколько некое «поле церковности» (если использовать терминологию П. Бурдые), которое как бы накладывается на «поле политики» в силу своей новой публичности.

Основной раздел завершает статья Андрея Шишкова «Церковная автокефалия через призму теории суверенитета Карла Шмитта». На первый взгляд она не вполне вписывается в главную тему, поскольку политика в ней присутствует не в прямом, а в переносном смысле: как «политика» современных межцерковных (межправославных) отношений, в которые РПЦ включена в качестве одного из ключевых акторов. В то же время автор вскрывает *специфическое* измерение «политического» в церковной жизнедеятельности, которое обнаруживается в том, что автокефальные православные церкви строят свои взаимоотношения (в рамках всемирного православия) по принципу, которому следуют современные государства как политические образования. Кроме того, анализируя нынешнюю межправославную сцену, автор уделяет особое внимание вопросам, связанным с созывом и проведением намеченного на 2016 год Всеправославного собора, который, если он состоится, будет иметь и определенное политическое значение (как в международном, так и в национальных масштабах).

К главной теме по-разному относятся и другие материалы настоящего номера журнала.

Прежде всего, это интервью, озаглавленное «Политическое измерение русской религиозной философии», которое дал представителям редакции Константин Антонов. В данном случае русское православие также расширено за пределы сугубо церковной сферы — институциональной и богословской, поскольку такое расширение стало историческим фактом с возникновением религиозно ориентированного мышления уже в рамках секуляризированной русской культуры XIX–XX столетий. Согласно автору интервью, русская религиозная философия является, с одной стороны, одним из национальных проявлений некоего типа мышления (наряду с тем, что имело место, например, во французской или еврейской культурах), а с другой — интеллектуальным феноменом, имеющим начало и конец. Эта православная в конфессиональном отношении религиозная философия ныне уже входит в со-

ответствующее наследие, но при этом ее политическое измерение не менее значимо, чем древнее богословие власти, о котором пишет в своей статье Константин Костюк².

В связи с главной темой номера следует также обратить внимание на рецензию, посвященную книге К. Рихтерс «Постсоветская Русская православная церковь: политика, культура и великая Россия» (2013), в которой обсуждаются вопросы «актуального переплетения» церкви и государства и, одновременно, внутренние коллизии, характерные для этого «переплетения».

Вместе с тем представляется очевидным, что раскрытие темы «русское православие и политическое» — в силу *универсальности* как православия, так и политического — предполагает выход в более широкое пространство, то есть за соответствующие религиозно-национальные пределы. В настоящем выпуске журнала такой выход осуществляется в двух материалах: в статье Александра Кырлежева «Мистическая политика как *contradictio in adjecto*. На полях книги Аристотеля Папаниколау», в которой предлагается критический анализ основных посылок и выводов современного американского православного богослова, выступившего с развернутым авторским проектом православной политической теологии, ставящей целью оправдание либеральной демократии; а также в статье украинского православного богослова архимандрита Кирилла Говоруна «Церковь и идеология: разделения и редукции», в которой рассматриваются различные политические и теологические парадигмы и соответствующие «интерпелляции» (если использовать термин, введенный Л. Альтюссером).

Таким образом, главная тема вышла за рамки своего раздела, что также обозначило ее незавершенность в пределах настоящего номера. Интеллектуальная работа, научная и богословская, по этой комплексной и одновременно междисциплинарной теме требует новых усилий. Редакция журнала готова к такой работе и приветствует любые инициативы, направленные на ее продолжение.

2. Напомним, что в своей монографии «История социально-этической мысли в Русской православной церкви» (СПб.: Алетея, 2013) К. Костюк также дает подробный обзор «светской» русской религиозной мысли, обращая внимание и на ее политическое измерение. См. рецензию на эту книгу в нашем журнале (Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. 1 (31). С. 269–277).